ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Сергей ЕСИН

На одной из читательских конференций мне прислали записку: как, дескать, вы относитесь к культуре? Не правда ли, странный вопрос, ведь культуру вроде все любят и лелеют? Но записка была провокаторна, потому что во многих своих писаниях я довольно часто касаюсь этой щекотливой темы. И тем не менее в постановке вопроса была та наивная простота, которая предразумевала более приемлемый ракурс ответа. И в ответах: «Вот если бы сверху»; «Вот если бы»; «Вот если бы сейчас», смотрящ, и не потребовалось бы так широко проводить перестройку».

Четыре года спустя отметили и по старой памяти оскорбительно: «не слишком ли часто?». Но ведь сегодня эти ответы уже отстаивались, вырезав в общественном сознании. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезда так было сказано: «Повышенного внимания к социальным вопросам требуют от нас уроки прошлого. Центральный Комитет партии считает, что со стороны центра и местных органов последовательно должны направляться материальной базы социально-культурной сферы страны. В результате сложился по существу остаточный принцип выделения ресурсов для ее развития. Известный перекос в сторону технократических подходов сложился в ущерб развитию социальной производства, быту, досугу, что не могло не привести к снижению авиитерессованности трудящихся в результатах труда, ослаблению дисциплины и другим отрицательным последствиям».

Итак, культура и перестройка. Попробуем поразмышлять. И даже сузим тему: культура и эстетика. Но в ее рамках, так сказать, в-последнем-всем масштабе. Как она существует в жизни, «Нам песня строить и жить помогает». Но ведь все-таки и

В начале оказался на Лермонтовском празднике в Тамани. Помните по школе: «Та-ман-ь!..» Сказал так: «Я взлюбил я эту душку из всех приморских городов России»? И подумалось: боже мой, как мало нужно чтобы создать мелодию ночь, луна и скверный городишко. Приезд Достоевского спустя сорок лет спустя суток — полвеков шедевр, обессмертивший маленький город. Виноват, город был прекрасен, и в ему предъявлять меньшие требования, сейчас Тамань — станица.

Мне, впервые присутствовавшему на этом традиционном тамаинском празднике, хотя традиция и молодая, все было знакомо, в диковинку. И симфонический концерт в парке (маленьком и молодом парке), возле памятника поэту, отлитого тем же скульптором Бродским, что и в Москве, у Красных ворот, и знаменитый Пушкин, которым свою книжку «Осень в Тамани» три часа подряд, как по наряду, атаковывали земляки-станичники, и «Ревизор» Гоголя (книготорг подсуетился и завез нужную, только что вышедшую из типографии книжку) в кукольном исполнении, весь тираж бросить на Тамань, сжим, или в дружину «Ревизора» (ревизоры), и в ночном в пеньеском соревновании один другой народные хоры перед Домом культуры: и кредарка — кубанские же и казачьи — с кружевными, начиненными разарной гречневой кашей поросятами, сазанами, с печной, пропитанной до отвала тыквой, пирогами, вареньями и многой другой всячиной; и показной фильм «Лермонтов, год шестнадцать», и «Курортный стол» приехавших из Краснодара и Москвы писателей и учителей-словесников разбора по проблемам «преподавания литературы; и чуть позже, в другом Доме культуры, а не в том, где пели хоры и показывали «Лермонтова», состоялось заседание клуба веселых и находчивых (КВН), где под руководством московского мэтра и любимца Александра Маслякова на знание произведений и биографии великого поэта соревновались веселые и находчивые десятиклассники из Тамани, Темрюка и Краснодара...

А по дороге от центра станицы, где под традиционной, на пьедестале, отвоевавшейся тридцатьметровой, освободившейся эти многострадальные, но благословенные места, шумела и торговала беспечная праздничная ярмарка, по дороге к другому ДК, у другого совхоза, где начинался боевой смотр знатоков-лермонтоведов, вдоль этой дороги стояли вынесенные в крытые выставочные грузтешкии скатертяные столы. Накануне станичное радио обратилось к хозяйкам с призывом блеснуть своими кулинарными искусством и традиционным гостеприимством. Мы народ широкий, русский. И вот, проехав к ДК, можно было беспечально съесть скибочку арбуза, кусть винограда, пирог с яблоками или капустой, вишнями, сочником, выпить чашку чая.

Но в этом мином ритуале гостеприимства была одна фальшивая нотка: пир на чужом пиру. На столах, приклоненные к заборам, стояли под стеклами фотографии выбывших краснодарцев, сегодняшних ребят, сфотографированных последний раз на фоне афганских гор, первых клубов, стариков и старух с большими корявыми руками. В общем, сьешь пирожок, но помни не только генеиальному поручику, но и наших близких, кровных таманских родичей. Может быть, рождалась какая-то новая традиция?

Взялся я описывать и снова переживать этот сюжет не в целях развлекать читателя и показать краевое начальство: вот, дескать, как хорошо отмечаешь, проявляет заботу, внимание и чуткость к трудящемуся. В конце концов есть в мире фестивали и попучше, где плеск и песни погуще, а прозаики и поэты рангом повыше. Меня заинтересовало, как все это наччось. Если в ходе, культуры, оказалось, те бродильные вещества, которые представили медоприятие в праздник.

Шестнадцать лет назад местный, краснодарский книгоиой и краевед Николай Вяльмутин стал пытаться подойти к местным органам, так бы настоять и убедителен, что ту хату, о которой писал Лермонтов в «Тамани», нужно отремонтировать и вовсе, решили восстановить. Постановили, решили, выделили деньги. Не в том, конечно, объем, как на находящиеся поблизости, под Новороссийском, памятник обелиска. Но и на том спасибо. Восстанавливать хату решили на том же самом месте, где она ранее стояла, возле рыбацкого, на берегу, моря. Обрывом. И сразу же началось какое-то внутренние непростое движение. Приехавшему в Тамань поклонному человеку в результате трудов, осаждению сущлиний и другим отрадным вещам — ему, конечно, прибиться. Возник маленький центр культуры. Но если оглядеться вокруг, то здесь кое-что уже имелось. Рассчитан на экскурсии в Тмутаракань. Да, да, то самое, русское раскопанное. Тмутаракань оказалась еще в «Слове о полку Игореве».

Но хата, стоящая на обрыве, — это еще не музей. А было так: «Я взлез в хату: два лавки и стол, да деревянный сундук возле печи сохранились вое ее мебель. На стене ни одного образа — дурной знак! В рабиотов стекло врывался морской ветер. Я вытащил из сундука: сгоревшие сарои и, заметив ее, стал раскладывать вещи...» — писал Печорин.

Но чтобы все это было, чтобы дом стал музеем, чтобы возникли библиотеки и фонды, подтверждающие эти детали, экспозицию, чтобы постепенно сама местность, этот обрыв, колодец, солнце над головой пропитались духом, чтобы, кроме изучения, которое исходили от этого маленьких в гусарской форме, нужен был еще один компонент, — нужен Владимир Александрович Захаров простит мне перехлесты стиля.

Это особая статья — создание музея, несколько иное, чем, скажем, освящение храма. Музейный фонд просит известности более приверженц. Его не внедришь мобилебон, не разожжешь, как опытная хозяйка разжигает примус: берет несколько угольков из соседской печи. Здесь нужно внести немалую энергетическую силии личности, потрудиться, кому-то постараться, позаводить окружающих. И такой «заводила» здесь и культурой не случайно, и даже, как видим, терминологии близка: как быстро, я бы сказал, мгновенно, вымуштается при наразумном использовании культурный, бродильный, интеллигентный слой из любой среды.

Опытный демагог возразит: сорная трава — с поля вон! Мы люди гордые, никого не держим. Мы ни от кого капризов не потерпим, у нас все равны. У нас в городе много других, учителей, других художников, других артистов, других театральных деятелей, других искусствоведов. Капризуя нам не гож. Свято место пусто не бывает. Встанут новые бойцы и т. д.

Несколько лет назад у меня в дверях раздался звонок: так в позвонить мне к Виктором Алексеевичем. Симакиным — главным режиссером Костромского драматического театра имени А. Н. Островского. Эдакий мальчишечка в рубашке с закатанными по летней поре рукавами. И меня незадого до того прочитавшего в журнале «Дружба народов» повесть «Производственный конфликт», в котором автор театра решил показать ее на своей сцене. Пьеса или инсценировка? Виктор Алексеевич приехал договариваться.

Ах, какие это были счастливые часы и дни! Мы крутили пьесу, и един в Костроме не сладко. Формулируя его положение в городе, можно сказать так: ни в одной столичной — в аудитории — в зале этого перестройки и театральной реформы, где подчас гласностью лучше владеет демагог, нежели работник! — ситуации его не поддержали, ничем не помогли. Может быть, это даже хорошо? Ведь, считается, ничто так не стимулирует художника, как рубль на сердце. Но он все-таки продолжал работать, выпускать спектакли. В числе прочих выпустил, в обычные времена, неприметные, не знатоками сцены, «Вассу Железнову». Но хорошо ли лишний рубль?

Вспомнился «До третьих петухов», «Любовь, любовь...», в всегда думал, что, показанные своевременно в Москве, они многим бы сделали имя режиссеру. По-моему раскрыть театр, возможности его актеров. Может быть, не одна и актерская судьба зависела от этого показа. Показались они не были, потому что городское и областное начальство позвало, что городков в своем отечестве не бывает. Своей своего авторитета на Москву не давили, не попрошаи, вели себя перед столицей зависяизоще-скромно, но тут как на грех, отрезизовав академический театр в Ярославле, решил заехать в Кострому — это близко — начальник управления театров Министерства культуры РСФСР ваять его режиссером Подгородинским. (О пользе ведения дневника: московский начальник посмотрел грозовскую «Вассу Железнову» 13 марта 1985 года.)

Скоро сказка сказывается: но не скоро дела делается. Тем временем культура, театр и сам Виктор Алексеевич Симакин отбивались. От жалоб, от жалоб, от нервотрепки, от трудностей и неустроенностей быта, от скитальных предложений. Следующий начальник ещо хуже: «Не выгонит?» Предлагают не предлагает передовые статьи, напоминаю кем-либо из русских мастеров, корреспондента в качестве пьес в репертуар. И здесь, вида, что талантливый человек ничем не выдающийся как дидактический неразберихи, никто не взял его под защиту. Да и брать особенно не требовалось, поскольку ему покровительствовал дядя. И начало Симакину это нравиться. Я, свой дядя, захотелось ему оеть работать, а не отбиваться от неприятелей.

Сдвигали в Кострому шустрых гоонцы из Горького, посмотрели несколько спектаклей и решили, что «этот им подходит. Симакин переехал в Горький. Но ненадолго: теперь главным режиссером детского театра, который менее года руководил, но знаменитый, ныне покойный, Борис Нарадецкий. Сейчас Симакин ставит «Принцесу Турандот», пьесу, которая в этом же расположилась гастролировавшая столичной публике. Надавно опубликовали статью о проблемах застойных и кризисных в творческих периодов РСФСР в области литературы и искусства, в числе которых «Васса Железнова» в Костроме: «Драматическим театром—режиссер и исполнительный главный роль. Вот так! Бесстыдно ваяла Москва, он апробирован, есть рецензия, работа сделана, примерно». Отбился не упал на город. Но уже нет в городе главного режиссера, уехала вслед, в другой театр, мой любимая Ирина Троицкая, для которой и затруднительно выпишу пьесу, уехал любимец горожан — молодой блистательный актер Саша Ростов.

С какой легкостью города теряют деятелей культуры, как небрежно с ними сладка не создают для них условий, не оценивают их труд и престиж, легкомысленно решают, что это не проблема, что в городе не хватит, что встанут новые бойцы, благодушно улыбаясь, машут из всех рукавов. Не всегда ведь деятель культуры, если у него есть хотя бы сносные условия для работы, рвется в Москву или в Ленинград. Живут у себя на родине Распутин и Белов, бог знает сколько лет работает Куйбышев, в театре, Монастырский, свыше сорока лет сидит в Михайловском Гейченко, не торопится переезжать из Риги в столицу Кац. Соль земли. Вокруг Гейченко — Михайловское такое, какое оно сейчас: возле Белова — вологодская школа; в годы зрительского кризиса в куйбышевскую драму стабильно можно было попасть, как на старую Таганку. Есть незаменимые, есть!

А вот из Костромы уехали Симакин. Я думаю, что только болезнь и любовь к городу не позволили Виктору Боткову, гениальному костромскому краеведу, поразительному историку, не искать лучшей доли на стороне. Медленно продолжают его поразительные, еще не напечатанные книги. Кто-нибудь из городского начальства помог, подняв хотя бы обычную телефонную трубку, чтобы устроить в больницу, поторопить издательство?

К городу Костроме, с которым я связан в юности, с того времени, когда в первой своей повести «Живем только два раза» я описал торговые ряды и центральную площадь со знаменитой пожарной каланчой, — к этому городу у меня свои счеты. Это когда-нибудь разушлешь в свою очередь, пишу свою поэму, в ряду с памятник Сусанину. Это рухнувший в прошлом году в фойе театра потолок — во время детских каникул, а если бы он рухнул на два часа раньше! Это грязная фляаорнина и сгорающий архив, где, кроме бесценных бумаг, безвозвратно погибли и знаменитые фрески XVII века Гурия Никитина. Сгораний по безхозяйке и разгильдяйству, по недопонимаению того, что такое — единственный архив в центральных областях, который не вывозился во время войны. Что же там могло быть найдено в заваленных папках?! Грустно на этом свете, господа!

Не следует думать, будто непримиримый автор полагает: бой с бюрократом и культурой постоянно бродит, присоседившись, руководит какие-то недоумки. Разные, конечно, бывает, не хочу обратить внимание на одного весьма примечательного и симпатичного мне героя. Я бы сказал, герой новой формации, которому совершенно не все равно, чем руководить — пионерами или музыкальными рисунками, зная, руководить ему на очень хочется, но долг призывает, а вдруг может быть, кто-то еще культуру станет, назначать и выбирать таких, которым не слишком нравится? У которых не выработалось на культуру охотничьи инстинкты? Итак, новый герой — Белов Виктор Алексеевич, и другое место действия — Дом культуры в районный Зватоуст.

О чем в первую очередь думает заслуженный деятель культуры, горячо-горячо, заглатывая ва эту должность? Наверное, он думает о том, что ему делать, с чего начать, что в первую очередь выпустить, о чем бы в ходе, в ходе, в ходе,